

Мальколм Рифкинд

Будущее сегодня видится не таким, как прежде

*Лекция, прочитанная в All Souls College
(Оксфордский университет) 9 октября 2001 г.*

Генри Киссинджер напомнил однажды, что, навсегда покидая рай, Адам сказал Еве: «Дорогая, теперь мы живем в переходный период».

Такова и наша судьба. Обычно история развивается так медленно, что человек не осознает в полной мере значимость разворачивающихся вокруг него событий, до тех пор, пока по прошествии лет не оглянется назад и не вспомнит о происшедшем.

У нас, однако, есть привилегия – или мы обречены – жить в такое время, когда мир изменяется настолько быстро, что у нас нет другого выбора, кроме как своевременно попытаться понять силы, действующие сегодня.

1989 год оказался переломным, так же, как ровно двести лет назад роковой 1789 год породил Французскую революцию и положил начало современному миру. Два века спустя, в 1989, пала Берлинская стена и окончилась Холодная война. Когда восточные немцы стояли и смотрели через проломы в стене на Запад, стало ясно, что мир изменился.

Эта перемена проявлялась не только в долгожданном устранении угрозы ядерного уничтожения в войне между супердержавами. Она также не исчерпывалась исчезновением идеологического конфликта между капитализмом и коммунизмом. В течение более сорока лет Холодная война занимала умы государственных деятелей, дипломатов и политических мыслителей Западного мира. В связи с ней были придуманы НАТО и Европейский Союз. Политика по отношению к Ближнему Востоку, Африке и Дальнему Востоку определялась и часто искажалась Холодной войной.

В поляризацию мира были вовлечены не только народы Запада, но и развивающиеся страны. Само название, которое они себе дали – «страны третьего мира» – было признанием того, что над ними доминировал полярно разделенный мир. Они могли негодовать на это, но вместе с тем стремились обратить это обстоятельство себе на пользу. Страны Африки и Азии разыгрывали карты Соединенных Штатов против Советского Союза; продажи оружия, а также помощь из-за границы то прекращались, то возобновлялись по мере того, как переворот следовал за переворотом. Ни страны-доноры, ни страны, получающие помощь, не уделяли особого внимания истинным приоритетам.

Окончание Холодной войны многое изменило. Оно удалило из экономических и политических решений идеологическую составляющую. Страны Азии, Африки и Латинской Америки могут теперь приватизировать свою промышленность и привлекать иностранные инвестиции без ощущения, что они объединяются с Вашингтоном против Москвы. В этом и заключалась их основная выгода, однако сегодня многие из этих стран стали неинтересны для ведущих мировых держав. Главной жертвой оказалась черная Африка, расположенная к югу от Сахары. Для Запада больше не существует геополитических или экономических причин интересоваться судьбой Африки. В последние годы положение Африки ухудшилось, и мир, в основном, безразличен к этому, невзирая на гуманитарный аспект проблемы.

1989 год ознаменовался еще одним историческим событием. Окончила свое существование последняя из европейских империй – Российская империя. В течение последних пятидесяти лет исчезли Британская, Французская и другие западноевропейские империи. Российская империя просуществовала намного дольше по двум причинам. Британские и французские колонии требовали тех же политических прав и прав самоуправления, какие метрополии предоставляли своим гражданам. Действительно, история империи в большинстве западноевропейских стран заключалась в создании и развитии представительских институтов на колониальных территориях. Это приводило – что было лишь вопросом времени – к национальной независимости, а если это происходило гораздо быстрее, чем предполагалось, то выбранное направление никогда не подвергалось сомнению.

Российская и Советская империи имели совсем иной характер. Во-первых, Москва отказывала в предоставлении политической свободы и гражданских прав российскому

народу, и едва ли на нее могли произвести впечатление стремления к самоуправлению со стороны подчиненных ей народов. Только тогда, когда тоталитарная система разрушилась, и русские сами обрели свободу, свобода стала возможна не только для поляков и чехов, но и для литовцев, украинцев, узбеков...

Во-вторых: в чем состоял смысл существования Российской империи? Она создавалась с целью обеспечить безопасность России, и, соответственно, не состояла из заморских владений, но являлась географическим продолжением самой России. В стремлении к полной безопасности русские контролировали и колонизировали народы, населяющие пограничные территории. Это привело к серьезному недоверию по отношению к России. Есть достоверный анекдот о том, как во время Венского конгресса в 1815 году Меттерних, узнав от своего коллеги о кончине русского посла, заметил: «Правда? Интересно, каковы были его мотивы?»

Иначе обстояло дело с другими европейскими империями. Контролируемые по всему миру Великобританией и Францией территории, приобретенные для расширения торговли, предоставляли благоприятные возможности для колонизации и, зачастую, для создания препятствий конкурентам. Австралия, Индия или франкоязычная Африка не укрепляли безопасность своих метрополий, а их освобождение не усложняло метрополиям защиты. В случае с русскими, однако, свобода Центральной и Восточной Европы и тем более распад самого Советского Союза на пятнадцать отдельных государств создали вакуум силы и чувство национальной незащищенности, что, даже если и не брать во внимание расширение НАТО на восток, является основной геополитической проблемой для президента Путина и его коллег.

Однако окончание Холодной войны было значительным событием еще по одной причине. В течение столетий народы Европы и остального мира воевали друг с другом с монотонной регулярностью. В Средние века эти войны чаще всего были религиозными. За ними последовали династические войны, которые позже сменились войнами за территорию и империю. Национализм — движущая сила в войнах последних двух столетий. Национализм являлся доминирующим фактором для Наполеона, за кайзером и Гитлером последовали толпы мелких деспотов и тиранов, копировавших как их амбиции, так и их методы. Холодная война, в основном, отвечала тому же принципу. Она не состояла лишь в борьбе идеологий. Сталин и его последователи были в то же время и

русскими националистами, видевшими в расширении российской территории благоприятную историческую возможность увеличения мощи России.

Было бы наивно предполагать, что национализм и идеология – это явления прошлого. Недавние события в бывшей Югославии ясно показывают, что это не так. Однако в значительной степени большая часть Европы и многие из стран остального мира сегодня, возможно, уже переросли эту стадию исторического развития. Конфликты будущего могут быть жестокими, но гораздо менее, чем это было в прошлом; вероятно, что они будут происходить из-за территорий или вследствие возвеличения какой-либо нации.

Может показаться, что Фолклендские острова и война в Персидском заливе свидетельствуют об обратном, но беглое изучение вопроса доказывает иное. Подобно тому, как Кувейт был порождением Британской империи, Фолкленды являлись пережитком, проблемой, не решенной со времен нашего имперского прошлого. Обе территории имеют абсолютное право на самоопределение, однако и Аргентинская и Иракская агрессии были вызваны скорее политическим авантюризмом, чем борьбой за независимость.

В современном мире с его более чем 180 государствами количество не разрешенных еще территориальных споров, которые реально могли бы перерасти в крупные конфликты, весьма невелико. Превалирующая часть границ мира сегодня согласована, и у большинства стран по-настоящему добрые взаимоотношения со своими соседями. Вся Европа, кроме Белоруссии, имеет сегодня демократические правительства. То же самое можно сказать и в отношении Латинской Америки, за исключением Кубы. Юго-Восточная Азия не выпадает из этого списка, а если Китай и останется диктаторским государством, то уже не коммунистическим, если не считать его названия.

Но это еще не конец истории, вопреки упомянутым обстоятельствам. Ситуация эта мне скорее напоминает коридор, в котором, закрывая за собой двери и думая, что наконец находите у цели, вы вздрагиваете от треска другой двери, захлопнувшейся перед самым вашим носом. Мы можем столкнуться с новыми беспорядками в мире, но гораздо менее вероятно, что они будут вызваны конфликтами между государствами или правительствами. В будущем, как можно увидеть на примере с Афганистаном, все правительства могут оказаться по одну сторону баррикад.

Свидетельства тому весьма убедительны. Тип конфликта между государствами или правительствами постепенно вытесняется серией конфликтов между правительствами с одной стороны и организованными или неорганизованными группами ожесточенных противников с другой. Эта тенденция, развивавшаяся в течение многих лет и усилившаяся после окончания Холодной войны, сегодня, похоже, становится преобладающей.

В качестве доказательств приведу три характерных примера.

Во-первых, на каждом из мировых континентов, во многих государствах и странах возрастает угроза внутреннего взрыва. В то время, как развитые страны становятся все более организованными и преуспевающими, отстающие от них государства во многих частях света обнаруживают все меньшие способности к выживанию и развитию. Это особенно видно по Африке, в которой Конго, Сомали, Сьерра-Леоне, Ангола и Руанда являются государствами, где внутренний беспорядок и противоречия стали носить эндемический характер и где не существует эффективного центрального управления. В каждом из этих случаев невозможно просто описать существующую анархию, как переходную фазу между правительствами. Такая ситуация может продлиться и в обозримом будущем.

Эта проблема существует не только в Африке. Шри-Ланка, Индонезия и, конечно, Афганистан характеризуются глубокой, вызывающей внутренние противоречия нестабильностью. Босния и Македония показали, что Европа не является исключением. В одних из этих стран разделения носят этнический характер, в других – религиозный или языковой, в третьих – племенной. Они редко приводят к конфликту между правительствами или государствами. Скорее они провоцируют насилие и массовые волнения среди населения, которое недовольно своим правительством и политически далеко от него. Вторым примером государств *contra mundum* являются массовые протесты против глобализации, которые разразились в Сиэтле и в других городах, где встречались политические лидеры развитого мира. Правительства утверждают, имея на то серьезные основания, что свободная торговля и рыночный капитализм сделают больше для искоренения бедности, чем любая другая стратегия, но это не охлаждает пыла сотен тысяч – по большей части, молодых – людей, выражающих свой протест. Большинство из них не прибегает к насилию, но, кажется, все они разделяют враждебное отношение к правительствам в Вашингтоне, Москве, Лондоне или

Пекине. В результате, представители стран Большой восьмерки, ВТО, МВФ и другие сильные мира сего вынуждены переносить свои встречи или даже отказываться от них, либо предпринимать беспрецедентные меры с тем, чтобы оградить себя от враждебно настроенной толпы.

Вопрос глобализации достаточно сложен. Правительства предпочитают верить, что их политика олицетворяет непреодолимое стремление к прогрессу и что народы должны принимать это безоговорочно. В этой уверенности кроется опасность, касающаяся не только глобальной свободной торговли и рыночного капитализма. Через несколько недель в большинстве стран Западной Европы будут отменять национальные валюты, заменяя их евро, контролируруемую Франкфуртским банком. Ни в одной из этих стран не был проведен референдум в качестве общественного индикатора этой исторической реформы. На практике, в Дании, единственной стране, где общество получило возможность принять окончательное решение, подавляющее большинство отвергло предложение политиков.

Я не хотел бы касаться здесь вопроса о том, является ли единая европейская валюта добром или злом. Я просто отмечаю то обстоятельство, что даже в странах Западной Европы, где парламентская демократия и представительские институты очень сильны, существует серьезный риск политического отчуждения общества, если правительства этих стран, сотрудничая друг с другом, не сотрудничают в достаточной степени со своим электоратом.

Третьим примером, без сомнения, является рост международного терроризма, который характеризуется крепкими связями, развившимися между террористическими группировками отдельных стран, а также террористическими организациями, подобными Аль-Каиде, действующими во всем мире и не делающими исключений в отношении какой-либо определенной страны или правительства.

И в этом случае также правительства, привыкшие быть врагами и конкурентами, обнаруживают необходимость сотрудничества и объединения своих сил. Так, президент Путин, говоря об исламских террористах в Чечне, находит общий язык с президентом Бушем, не говоря уж о Китае, стоящем перед угрозой исламского терроризма в Синьцзяне. Это новое сотрудничество продвигается довольно гладко, чего нельзя сказать о сотрудничестве с правительствами умеренных арабских и исламских государств. Правительства этих стран, за исключением Пакистана, вынуждены были отказаться от учас-

тия в антитеррористической кампании из-за сильных антиамериканских настроений и героического культа Осамы Бен-Ладена среди населения. Ирония состоит в том, что Саудовская монархия или правительство Египта являются такой же целью для Осамы Бен-Ладена, как и Америка. Упомянутые правительства отдают себе в этом отчет, но они ограничены в своих действиях недостатком полномочий в глазах своих народов.

Печальным является тот факт, что в то время, как Латинская Америка, Россия и Восточная Европа, а также Южная и Юго-Восточная Азия пользуются демократическими институтами, как никогда прежде, существует регион, который фактически не видел развития в области представительских институтов и прав человека за последние сорок лет — это арабские и другие исламские государства Ближнего и Среднего Востока. За исключением Турции и, начиная с прошлого года, Катара и Бахрейна, Ближний и Средний Восток и поныне является авторитарным, как в 60-е годы. В таких условиях оппозиция принимает недемократические формы, а правительства недостаточно сильны, чтобы действовать в интересах своих стран.

Глобальные изменения, ускорившиеся с 1989 года, имеют важное значение для британского и других западных правительств. Рост мирового терроризма означает для нас, в частности, то, что нам придется преобразовать нашу оборонную стратегию в стратегию безопасности. Способность защитить Великобританию от неядерного вторжения или ядерной атаки со стороны вражеского государства больше не является нашим главным козырем, поскольку такая угроза маловероятна. Кроме того, если правительство не на словах, а на деле хочет, чтобы Британия внесла крупный вклад в мировую кампанию против терроризма, быстрое и существенное увеличение оборонных ресурсов и личного состава вооруженных сил неизбежно. Риторика мистера Блэра может быть впечатляющей, но она мало способствует преобразованию желаемого в действительное.

На Соединенных Штатах лежит особая ответственность. Если правительства развитых стран осознали необходимость сотрудничества по принципу «враг моего врага — мой друг», то для остального мира такая необходимость неочевидна. Администрация Буша, поначалу производившая впечатление, что Америка, когда бы она этого ни пожелала, может обойтись без посторонней помощи, сегодня осознала, что нуждается в остальном мире так же, как и остальной мир нуждается в

Америке. Как однажды заметил Уинстон Черчилль: «Вы всегда можете положиться на Соединенные Штаты: они поступят правильно после того, как они испробовали все остальные варианты». Ни в какой другой сфере необходимость международного сотрудничества не является более очевидной, чем в области разведки.

В Соединенных Штатах, как и повсюду в мире, потребуется серьезнейшее улучшение способностей разведки. Вызывает беспокойство тот факт, что, хотя США сумели идентифицировать воздушных пиратов и определить их действия на протяжении нескольких месяцев, непосредственно предшествовавших атаке 11 сентября, они оказались в полном неведении относительно теракта перед его совершением, несмотря на то, что террористы обучались управлению самолетами в Америке. Необходимо внедрение агентов в ячейки террористов, действующие на Ближнем Востоке, в Европе и в самих Соединенных Штатах. Однако так же маловероятно то, что американец проскользнет незамеченным в одну из террористических организаций Осамы Бен-Ладена, как и то, что китайский агент сможет внедриться в ИРА.

Только арабы и мусульмане могли бы здесь добиться успеха. Если Соединенные Штаты не смогут завербовывать их непосредственно, им придется войти в гораздо более тесное сотрудничество с разведывательными органами Египта, Турции или Саудовской Аравии. Только их сотрудники, скорее всего, были бы способны проникнуть в ячейки экстремистских исламских террористических организаций.

Кроме того, Израиль и арабские государства также должны взять на себя большую ответственность, чтобы сделать все от них зависящее для ограничения возможностей террористических организаций в плане вербовочной и организационной деятельности. Израильяне испытывают понятное волнение в связи с тем, что после 11 сентября их интересы могут стать менее важными для Америки. В уменьшении риска терроризма на своих территориях они сегодня являются лучшими профессионалами. Однако нет сомнения в том, что окончательный мирный договор между израильянами и арабами мог бы уменьшить гнев и разочарование в арабском мире и затруднил бы вербовку молодых людей арабским террористическим организациям.

Арабские правительства обязаны признать наконец необходимость политической реформы и увеличения числа представительских институтов. Если бы в арабском мире существовали какая-то реальная демократия и подотчетность,

правительства арабских стран обнаружили бы, что им стало легче игнорировать громкие популистские требования улицы, а бен-ладены исламского мира обнаружили бы, что им стало труднее претендовать на большее, чем у этих правительств, право говорить от лица исламского мира. Без сомнения, существует риск, что демократические выборы могли бы привести исламистов ближе к власти, как это было в Алжире и Турции, но эту проблему все равно придется решать, и чем дольше она останется незатронутой, тем труднее это будет сделать.

По всему миру, в Европе, России, Соединенных Штатах и на Ближнем Востоке люди, в силу различных причин, теряют связь со своими правительствами. Западу, являющемуся колыбелью представительских и демократических институтов, легче признать наличие этой проблемы и решать ее, но даже Соединенным Штатам и Европе здесь есть над чем поработать.

Если мы сможем понять изменяющийся мир, в котором мы живем, и действовать эффективно и правильно, то 11 сентября станет окончанием, а не началом крайне опасной эпохи в нашей истории.

С английского перевел А. Горлов
(перевод не авторизован)

* Замечанные опечатки исправлены